

ПЕВЕЦ И ФИЛОСОФ

Пахомова Галина

Галина Пахомова
Певец и философ

«Автор»

2026

Пахомова Г. Г.

Певец и философ / Г. Г. Пахомова — «Автор», 2026

Знакомьтесь: Филимон Митрофанович, белый алабай 13 лет, двор охраняет, философствует, поёт - в общем, личность многогранная. Суставы побаливают, соседский кот наглеет, в глаза капают - жизнь не сахар, но Филимон держится. Пока хозяева не объявляют: переезжаем в город! А тут ещё и дочь с померанским шпицем Пуговкой на пороге - мелкий, шумный, уже норовит занять будку и присосаться к миске. Старый пёс в шоке: кажется, его эпоха заканчивается. Но спасение приходит с неожиданной стороны - от самого Василия Петровича, давнего недруга. Смешная и трогательная история о том, как старость, верность и мужская дружба побеждают любые невзгоды. Рассказ ведётся от лица огромного алабая, который по ночам распевает арии, напоминая всем: он ещё огого!

© Пахомова Г. Г., 2026

© Автор, 2026

Галина Пахомова Певец и философ

Меня зовут Филимон Митрофанович. Для тех, кто не знает: я алабай. Белый, красивый и - чего уж скрывать - немного пожилой. Хозяин говорит «тринадцать лет для алабая - это вооозраст!», и при этом так таращит глаза, будто я сам должен удивляться, что до сих пор жив. Я не удивляюсь. Я просто лежу.

Моя будка стоит у левого угла двора, под старой яблоней. Хорошее место: тень в полдень, сквозняк от калитки, и вся территория как на ладони. В молодости я не сидел в будке - я нёс службу. Обходил периметр, облаивал велосипедистов, держал в страхе соседского кота. Теперь кот приходит сам и трётся о мою лапу. Это унижительно, но у меня болят суставы, поэтому я терплю.

- Фима, доброе утро! - Хозяин появляется из дома с миской.

Я приподнимаю голову. Одно ухо. Второе пока не готово.

- Голос! - командует он.

- А-у-а-е-у-аааа! - пою я. Это не вой. Это ария. Разница существенная.

Миска встаёт передо мной. Ем медленно, со вкусом и достоинством. В молодости я мог пропустить ужин - просто не хотелось. Теперь ем всё. Включая таблетку, которую хозяин прячет в кусочке хлеба. Он думает, я не замечаю. Я замечаю. Но хлеб вкусный, поэтому молчу.

После завтрака - капли. Я зажмуриваюсь заранее.

- Фима, смотри на меня.

Смотрю в сторону.

- Фима.

Смотрю в другую сторону.

- Фи-ма.

Капли всё равно попадают. Они щиплют. Я скулю - тихо, с достоинством, но внятно. Пусть знает.

Потом уши. Тут я уже не скулю - я пищу. Хозяин говорит «надо». Я говорю «пи-и-и». Это наш компромисс, выработанный годами.

Клок белой шерсти слетает с моего бока и медленно плывёт через двор к забору. Красиво. Я смотрю ему вслед.

Утро закончено. Я иду к будке, дважды обхожу её по кругу и ложусь. С улицы долетает запах чужой собаки - где-то далеко, неинтересно. Закрываю глаза.

И именно в этот момент из открытого окна кухни до меня долетает голос хозяйки:

- Надо что-то решать с Фимой. Квартира - это вариант.

Я открываю оба глаза.

Это случается уже так редко, что хозяин, если бы видел, обязательно выронил бы кружку с чаем. Потому что последний раз, когда я соизволил открыть оба глаза одновременно, умирала соседка Зинаида Павловна - царствие ей небесное, хотя при жизни она была той ещё стервой. Но сейчас - сейчас я открываю их не из почтения к кому-то, а из чистейшего, ледяного ужаса.

«Квартира». Какое мерзкое, плоское, бездушное слово. В нём нет ни запаха влажной утренней земли, ни шороха сухих листьев, ни прохлады от деревянных досок моей будки. «Квартира» пахнет химией, пылью и безысходностью. Я знаю это, потому что однажды, лет десять назад, хозяин возил меня в город к ветеринару. Там были скользкие полы, на которых мои когти разъезжались, как у глупой коровы на льду, и стены, которые давили со всех сторон. Алабай в квартире - это как медведь в спичечном коробке. Это позор. Это конец.

Я поднимаю голову. Мой взгляд устремляется к открытому окну, откуда доносится звон посуды и приглушенные голоса. Хозяйка, Нина Васильевна, женщина добрая, но суетливая.

Хозяин, Сергей Митрофанович (мы с ним, можно сказать, тезки по отчеству, он тоже Митрофанович), человек обстоятельный. Если Нина Васильевна сказала «надо решать», значит, тучи сгущаются. Куда они собрались меня деть? В этот бетонный скворечник? Или...

Ледяная дрожь пробегает от загривка до кончика хвоста. Неужели я стал им не нужен? Неужели моя старость, мои больные лапы и утренняя лень перечеркнули все те годы, когда я грудью встречал чужаков у калитки?

Я старательно прислушиваюсь. Окно открыто. Штора колышется. Там, внутри, стучат ложкой о кружку - это хозяйка размешивает сахар. Она делает это всегда, когда нервничает. А значит, она сказала это не просто так. Она сказала это всерьёз.

- Фим, ты чего глаза вылупил? - хозяин выходит на крыльцо, вытирает руки о штаны. Он в своей неизменной клетчатой рубашке, такая же клетчатая была пять лет назад, и десять, и наверное, когда он меня щенком из рук в руки принимал. Только тогда рубашка была новая, а теперь на локтях заплаты, которые хозяйка поставила - криво, потому что не умеет, но старательно. - Что-то ты сегодня... активный слишком.

Я смотрю на хозяина. На его седую щетину. На морщины вокруг глаз, которые становятся глубже, когда он улыбается. Сейчас он не улыбается. Он тревожно щурится, потому что я смотрю на него двумя глазами, а это, повторяю, случается только при катастрофах.

- Нет, - мысленно говорю я себе. - Филимон Митрофанович еще не списан в тираж.

Я тяжело вздыхаю. Передние лапы упираются в утрамбованную землю. Задние слушаются не сразу, в коленях предательски хрустит. Сначала поднимается передняя часть, потом, с усилием, выпрямляется спина. Я отряхиваюсь. Моя густая, жесткая шерсть вздымается белым облаком, ловя лучи солнца. Я вытягиваю шею, расправляю плечи. Да, я немного осел, да, на морде появилась седина, которая сливается с моим белым окрасом, но осанка! Осанку не проешь и не потеряешь.

Я решаю возобновить службу. Прямо сейчас. Двор должен видеть своего хозяина.

Я делаю шаг. Второй. Третий.

- Куда это он? - голос хозяйки становится выше, когда она волнуется. Она волнуется часто. По любому поводу. По поводу жары или холода, снега или засухи, убежавшего молока или грязной обуви. Но готовит вкусно, не раз мне доставалось с хозяйского стола.

- Патруль, - отвечает хозяин и смеётся. Осторожно так, пробуя смех на слух. - Старый пёс службу вспомнил.

Я вспомнил. Ещё как вспомнил.

Медленным, размеренным шагом я отправляюсь в обход. Земля под лапами уже прогрелась. Воздух густой, напоенный ароматами цветущих цветов, терпкой крапивы у забора и влажных досок. Я иду вдоль периметра. Шаг. Второй. Третий. Остановка. Нужно обнюхать старую крышку. Здесь ночью пробежал еж. Глупое, колючее создание. В юности я пытался их грызть, потом поумнел. Я оставляю на крышке свою метку. Мощно. Уверенно. Пусть знает.

Дохожу до яблони. Мое дыхание становится тяжелым, с хрипотцой. Приходится сесть в тень, свесив язык. Жарко. Но я не сдаюсь. Я должен показать Митрофановичу, что территория под контролем.

Двор у нас большой. Сорок соток. Этого добра в квартире не будет никогда. Я обхожу сарай - там пахнет сеном и старыми вещами, там спит рыжий кот Кузьма, сейчас он проснулся и смотрит на меня с уважением. Или с недоумением. С котами никогда не разберёшь.

- Ты чё, старый, ходишь? - мяукает он. Я не отвечаю. Мы на «ты» не переходили.

Дальше - огород. Хозяйка сажает здесь укроп, петрушку, помидоры. Я разрешаю ей это делать, потому что она потом даёт мне огурец. Свежий, хрустящий, с горчинкой. Я люблю огурцы. Сейчас огород пустует - только зелень буйствует, и шмели гудят над цветами картошки. Я обхожу грядки по периметру, как учили в молодости. Нос к земле. Вдох - выдох. Ничего чужого. Мышь - не в счёт, мыши свои.

- Эй! Митрофаныч! Выходи, кому говорю! - раздается вдруг скрипучий, как несмазанная телега, голос со стороны правого забора.

Я поворачиваю голову. Над потемневшим от времени штакетником возвышается красное, изрезанное глубокими морщинами лицо в соломенной шляпе. Это Василий Петрович. Наш сосед. Человек исключительной вредности и скандальности. Его маленькие, колючие глазки так и сверкают из-под кустистых бровей. На нем его вечная выцветшая футболка, от которой всегда пахнет махоркой и скисшим компотом.

Дверь дома со скрипом открывается. На крыльцо выходит хозяин. Он вытирает руки полотенцем, щурится на солнце.

- Чего тебе, Петрович, с утра пораньше нейдется? - устало спрашивает Митрофаныч, спускаясь по ступеням.

- Чего мне нейдется?! А ты посмотри на свою сирень! - Петрович тычет узловатым пальцем с грязным ногтем в сторону куста, который растет на границе наших участков. - Она мне пол-огорода затенила! Твои корни мои помидоры душат! А этот твой... монстр! - палец перенаправляется на меня. - Он вчера опять к забору подходил! Дышал на мои огурцы! Они от его перегара желтеют!

Я презрительно фыркаю. Огурцы у него желтеют. Да если бы я захотел, я бы этот забор вместе с его огурцами одной лапой снес. Я медленно, с королевским достоинством поднимаюсь и подхожу к хозяину. Становлюсь рядом, плечом к его ноге. Моя голова как раз на уровне его бедра. Я поднимаю морду к соседу, приоткрываю пасть, показывая желтоватые, стертые, но все еще внушительные клыки, и издаю низкий, вибрирующий в груди звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.